

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Рабочая

демократия

вступает на

политическое

поприще

- ГЛАВА I. Вечер 1-го июня 1863 года.
- ГЛАВА II. План кампании, составленный восприемниками оппозиции, друзьями права. – Рабочая масса, следуя в первый раз своей собственной идее и действуя во имя её, разрушает все их расчёты
- ГЛАВА III. Предв. суд истории над 1864 г-м. Революционное состояние. Невозможное положение

ГЛАВА I. Вечер 1-го июня 1863 года.

В понедельник, 1-го июня 1863 года около десяти часов вечера во всем Париже господствовало глухое волнение, напоминавшее 26 июля 1830 и 22 февраля 1848, и тот, кто в эту минуту поддался бы уличным впечатлениям, счел бы себя накануне битвы. Вот уже три недели, как Париж, возвратившись к политической жизни, пробудился от своего оцепенения, снова чувствует в себе жизнь, снова одушевлен революционным духом! – такого рода возгласы слышались со всех сторон. «О! восклицали люди, ставшие во главе движения, в этот час нельзя было узнать этот новый, монотонный город г. Гаусмана с его прямолинейными бульварами, его гигантскими дворцами, с его великолепными, но пустынными набережными; его печальной Сеной, в волнах которой теперь носились только камни да песок; с его дебаркадерами, которые, заменив ворота старого города, лишили его самобытности; с его макадамами, скверами, новыми театрами и казармами; его легионами мятельщиков и его ужасною пылью; город, населенный англичанами, французами, немцами, батавами, американцами, русскими и арабами; космополитический город, где туземец чувствует себя чужим. Этот город сделался снова старым Парижем, тень которого явилась при сиянии звезд и при кликах шопотом: «да здравствует свобода!»

Не смотря на напыщенность, речь эта не лишена некоторой доли правды; но тем не менее ночь прошла совершенно спокойно. Более восемнадцати месяцев прошло с тех пор. И в настоящее время нет никакого основания думать, чтобы раньше июня 1869 года Париж подал хотя малейший признак жизни. После этой вспышки дух великого города снова упал.

Что же случилось? Какая старая новость заставила волноваться новые Афины? На кого сердилась столица Порядка?

Молодой и милый писатель, г. Ферри, написавший историю выборов 1863 года, взялся объяснить нам, что, по его мнению, Законная Оппозиция, погребенная двенадцать лет тому назад, воскресла, благодаря деятельности пяти и всеобщей подаче голосов. Вот оттого-то и ликовал Париж.

Я вам скажу читатель, что такое Законная Оппозиция; я вам покажу, что она делает; а пока с вас довольно знать, что под этим именем и с помощью этой формулы стараются восстановить на месте империи или февральскую республику, или монархию конституционную, представительную и парламентскую, столь дорогую сердцам буржуазии, почти в том виде, как она существовала с 1814 до 1840 года. Вне этого Законная Оппозиция не имеет политического смысла.

И так Париж, неусыпный страж свободы нации, восстал на зов своих ораторов и отвечал самым сухим нет на все заискивания правительства. Независимые кандидаты получили решительное большинство. Демократический список прошел целиком. Всем известен результат выборов. Администрация была побеждена; кандидаты её были отвергнуты большинством 153,000 голосов против 80,000. Народ, главный виновник этого торжества, наслаждался своим успехом; буржуазия разделилась на две партии. Одна обнаруживала некоторое беспокойство, другая свободно выражала свою радость. – Какой удар! говорили одни; какая пощечина! – Дело серьезно, очень серьезно, прибавляли другие: Париж в оппозиции – империя потеряла столицу...

Таким образом объясняли сторонники законной Оппозиции эту таинственную манифестацию, и уже высчитывали выгоды, которые она принесет им. Конечно, мысль возвратиться к июльским учреждениям, быть может, даже воспоминание о конституции 1848 существовали в уме избирателей. Это показали имена Тьера и Гарнье Паже, вышедшие из урн как № № лоттереи. Но это ли только значение имели выборы. Далее мы займемся этим вопросом.

1 июня 1863 было лунное затмение; небо было великолепно, вечер прекрасен; легкий и приятный ветерок, казалось, принимал участие в невинных треволнениях земли. Весь Париж мог следить за всеми изменениями этого явления, которое началось в девять часов пятьдесят шесть минут вечера, в тот момент, когда собрание избирателей окончило свое заседание, и прекратилось в час и шестнадцать минут утра. Так, говорили остряки, меркнет деспотизм перед свободой: демократия простерла свою широкую руку и затмила звезду 2 декабря... Пельтан, один из избранных в то время, оратор, самый способный во всем парламенте раздражать нервы слушателей и читателей своим гиерофантским слогом, не преминул сделать это грозное предсказание в одной из своих брошюр. Скажите лучше, возражали побежденные, что затмился разум парижан. О, да вы возобновляете ваши фарсы 1830 и 1848! Ну так берегитесь: вам придется хуже, чем в 1830 и 1848.

Так тщеславие смертных истолковывает в смысле своих страстей и интересов самые невинные признаки. Мы всегда считаем богов участниками в наших приключениях и наших тревогах, и потом, когда события разобьют наши иллюзии, мы обвиняем богов. Но довольно с нас предсказаний и предзнаменований. Мы жаждем истины и правды, которых нет ни в радости оппозиции, ни в горести министерских чиновников. Оставляя в стороне астрологическое совпадение, тем не менее верно, что 1-го июня 1863 года произошло два затмения: одно на небе, другое на земле под 48° 50' северной широты и 0 долготы. На небе, мы знаем, было лунное затмение. Что же затмилось на земле? Империя, демократия, парламентская система, оппозиция, буржуазия, социализм, или все это вместе? Мы увидим это ниже, а пока, чтоб всех успокоить, скажем, что ни империя, ни демократия, ни абсолютные, ни ограниченные монархии, ни оппозиция, ни буржуазия, ни пролетариат не погибают от своих затмений, как не погибают от них солнце и луна.

В толпе находилось несколько человек, которые восставали не против подачи голосов, но против всякого назначения. Они дали гласность своему протесту, вкратце изложив причины его. Чего хотели эти люди? Всего или ничего, таков был их лозунг. Ничего, то есть остаться при status quo – без лицемерия, без ложных конституционных прикрытий, без парламентских мистификаций, без легальной оппозиции; или всего, т. е. всеобщей подачи

голосов, с её условиями, её гарантиями, её формами, её правом, её философией, её политическими и экономическими последствиями, – одним словом, со всеми её социальными реформами. Им надоели парламентские дебаты, и золотая середина, и средняя мнения, и умеренные стремления, и все компромиссы и ухищрения доктринеров.

Вы побеждены и замешаны в поражение г. де Персиньи, говорили им победители. Как побеждены? Говорите, если вам угодно, о правительственных кандидатах; их мы вам уступаем; говорите о себе самих, присяжных и узаконенных оппозирующих союзниках империи, которых презирают, не смотря на их оппозицию. Что же касается до нас, ваших настоящих противников, то борьба между нами только что еще начинается. Вы хотели выборов – мы знаем для чего – мы же отвергли их. Кто из нас прав – решит будущее. Разве ваши 153,000 голосов могут служить ответом на наши доводы? Разве вопрос, который нас разделяет, может быть решен простым большинством голосов? Посмотрим, что-то будет через семь лет. – А пока мы имеем 153,000 голосов, представляющих в Париже парламентскую оппозицию; а вы? сколько вас? – Нас пока восемнадцать человек, восемнадцать, которые стоят ваших ста пятидесяти трех тысяч.

ГЛАВА II. План кампании, составленный восприемниками оппозиции, друзьями прав- ва. – Рабочая масса, следуя в первый раз своей собственной идее и действуя во имя её, разрушает все их расчёты

После того, как декретом 24 ноября сенату и законодательному собранию было возвращено до некоторой степени право голоса, в известных правительственных сферах стали считать оппозицию 1857 года слишком слабую даже в интересах самой власти. Победы, одерживаемые правительством в палате, не доставляли ему славы; это вредило блеску императорской прерогативы. Первая уступка помазала нацию по губам. Страна стала сожалеть о политических нравах июльской монархии. Эта прихоть могла сделаться опасною. Некоторые друзья империи желали для неё поэтому оппозиции более многочисленной, хотя умеренной, а главное, не враждебной династии.

Эта мысль, пущенная в ход умными головами либерального бонапартизма, была подхвачена на лету тою кликою, из которой могли выйти ораторы, в особенности ораторы независимые. Вот причина, почему литераторы, журналисты, адвокаты, академики, профессеры и т. д. толпами повалили записываться в кандидаты. Легитимисты и либералы, перекликаясь с

обоих крайних полюсов политического горизонта, пели Осанну примирения. Наконец, думали они, можно будет помериться силами в парламенте, хотя бы только ради назидания страны и ради чести свободы. Чего было бояться императорскому правительству кандидатов, поддерживаемых такими журналами, как *Presse*, *Opinion National*, *Siècle*, *Temps*, *Debats*?.. С другой стороны, как же было не радоваться этим журналам и их клиентам, видя, что Империя склоняется к парламентаризму? Буржуазия этим удовлетворялась; воздавалась честь политике и учреждениям 1830 года; сдерживалась вечно волнующаяся демократия; наконец, под покровительством императора скреплялся союз, составленный старыми партиями в 1848 году, в славной улице *Poitiers*, против социальной революции. И вот все простофили принялись рукоплескать.

Избирательная кампания была открыта согласно этому плану. В этом духе был составлен список кандидатов оппозиции. Правительство рассчитывало по крайней мере на половину парижских избирателей, как в 1857 году; оно не испугалось бы тридцати оппозиционных депутатов, выбранных департаментами. Список кандидатов Сены был составлен так, что не мог возбуждать никакого беспокойства, предполагая даже самый неблагоприятный результат.

Единственная трудность, но за то очень важная, состояла в том, чтобы недопустить демократию до какой-нибудь возмутительной демонстрации. Демонстрация эта могла выразиться или отказом подавать голоса, или подачей безименных билетов, или наконец избранием лиц, открыто и энергически враждебных конституции. Первое затруднение были уверены победить с помощью журналов, которые все стояли за баллотировку, и при содействии буржуазии, более склонной, по примеру прежних вождей своих, говорить, чем молчать; что же касается безименных билетов, которых боялись больше всего, то против них можно было действовать теми же средствами, и кроме того большинство считало, что действовать таким образом все равно, что вовсе отказаться от участия в баллотировке. Наконец, со стороны народа правительство считало себя безопасным. В 1848 народ избрал Людовика Наполеона в президенты; в 1851 он принял плебисцит и участвовал в государственном перевороте; в 1852 он подал голос за Империю. Не было никаких причин полагать, чтобы расположение его с тех пор изменилось.

Если бы этот план удался, – а все заставляло предполагать, что он удастся, – то переход от самодержавной монархии к монархии конституционной мог бы совершиться без потрясений и без опасности для Наполеоновской династии, и притом в самую благоприятную минуту. Буржуазия возвратилась бы к своим старым обычаям; революционное движение было бы снова отклоненно, и явилась бы возможность принять меры на будущее время против всяких нечаянностей всеобщей подачи голосов.

Что за тем произошло, известно всякому. Династическая оппозиция в Париже обделала свои дела слишком хорошо. Администрация почти не получила представителей в столице; меньшинство её в Париже было самое жалкое, и все это нанесло правительству сильный нравственный урон. Теперь нам предстоит найти причину этого поражения, непредвиденного, неожиданного и до сих пор необъясненного.

И/. Парижские выборы. – Привожу цифры, ограничиваясь, относительно городских выборов, Сенскими, так как движение более или менее сильное было всюду одинаково. Вот как распределились в декабре 1851 года, после государственного переворота, голоса сенских избирателей;

Внесенных в список 392,026 Подающих голоса 296,390 За плебисцит 196,539 Против 96,497
Утраченных голосов 3,354 Отсутствующих 95,636

Примечание. На этих выборах правительство 2 декабря имело на своей стороне большинство 100,000 голосов против оппозиции, которая состояла преимущественно из буржуазии или, вернее, из лиц среднего класса, принадлежавших к прежней партии National'я и Reforme'ы; их поддерживала значительная часть народа. Но вообще род, которому было возвращено право всеобщей подачи голосов, стоял за государственный переворот.

Я не буду говорить о национальных выборах 1852 года, которые доставили Империи 300,000 голосов более, чем сколько оно имело в 1851: воспоминание о 2 декабря было еще слишком свежо; народное мнение не подвинулось вперед; к тому же известно, что демократия имела свои, более или менее уважительные, причины держаться в стороне.

Наступили выборы 1857 года, и вот их результат.

Внесенных в список 356,069 Подающих голоса 212,899 За кандидатов администрации 110,526 За кандидатов оппозиции 96,299 Утраченных голосов или антиконституционных 6,074 Отсутствующих или неподающих голоса 143,170

Примечание. – Хотя число лиц, внесенных в список избирателей, уменьшилось с 1851 года на 35,957, тем не менее мы видим, что число отказывающихся от баллотировки увеличилось на 48,134; – число голосов за правительство понизилось с 196,530 на 110,526, т. е. на 86,013; – что число голосов оппозиции осталось почти неизменным: она потеряла около 198 голосов.

Итак, в 1857 в Париже существовала оппозиция в 100,000 голосов, почти не изменивших своего мнения в течение семи лет, между тем как правительство понесло значительный урон, получив вместо прежних 196,539 голосов только 110,526. к какой партии принадлежали неизвестные голоса, числом 44,000, увеличившие собою в 1857 число отсутствующих? Я, не колеблясь, говорю, что то были главным образом народные голоса, голоса работников, равнодушных к выборам или даже таких, между которыми начинало бродить неудовольствие.

Выборы 1863 года дают следующие результаты:

Внесенных в список круглым числом 326,000 Подающих голоса 240,000 За кандидатов правительства 82,000 За кандидатов оппозиции 153,000 Безименных билетов 4,556
Отсутствующих или неподающ. голоса 86,000

Примечание. Число лиц, внесенных в список, еще уменьшилось с 1857: из 356,069 остается только 326,000 – разница в 30,000 голосов. Не смотря на это, число голосов, поданных за

правительство, понизилось с 110,526, на 82,000, – разница в 28,000, и, наоборот, 96,299 голосов, преданных оппозиции, усилились 57,000 голосов, перешедших в оппозицию из разряда отсутствовавших. Нет сомнения, что эти 57,000 голосов принадлежали народу, который со времени государственного переворота не являлся на выборы. По соображениям, приведенным нами выше, мы можем заключить, что из 153,000 голосов, поданных за оппозицию в 1863 году, по крайней мере половина принадлежит рабочей демократии.

После этого какое же значение, какой смысл имеют эти выборы?

В истории, может быть, не было примера, чтобы народ, в тесном смысле, в смысле сословия, в противоположность дворянству, буржуазии и церкви, заявил каким нибудь поступком собственную мысль, собственную волю. Народ умел всегда только кричать: Да здравствует император! или Да здравствует король! или Да здравствует господин! или Да здравствует хозяин! Римский плебей, создав империю, не основал ничего; напротив, он все разрушил. Он всегда неизменно выражал только одно: ненависть к патрициям. Сам он не произвел никакой идеи; распри его с патрициями были просто бунты эксплуатируемых клиентов, чтобы не сказать – рабов. Дав Цезарю и его преемникам, до Августа включительно, бессменную диктатуру, римский народ уничтожил республику и заменил ее самодержавием. Что значили во Франции народные выборы с 89 года? Подражание или, вернее, содействие мещанским выборам. Народ играл в политику, как дети в солдатики. Ни санкюлотизм, ни робеспьеризм, ни бабувизм, ни бонапартизм не могли дать всеобщей подаче голосов самобытности и значения. в 1799, 1804, 1815 годах народ вотировал за своего императора, а вовсе не за себя. Хартия 1814–1830 лишила массу права подачи голосов. Но что потеряла она чрез это? Что потеряли общественное право и свобода? Ровно ничего. Сам народ, повидимому, нисколько не жалел об этом. Февральская республика возвращает ему избирательное право. Но как он пользуется этим правом? Он выбирает преимущественно буржуа, орлеанистов, легитимистов, бонапартистов, республиканцев – кого ни попало, да вдобавок еще попов, монахов, поэтов и епископов. в учредительном и законодательном собраниях большинство реакционеры. Потом народ избирает до трех раз Людовика Наполеона. Где тут, спрашиваю, державная, самостоятельная мысль?

И вот вдруг, через двенадцать лет по восстановлении империи, этот народ без всякой видимой причины делает крутой поворот, и 57,000 избирателей, рукоплескавших в 1851 году государственному перевороту и с тех пор хранивших молчание, внезапно переходят на сторону оппозиции и численным перевесом решают парижские выборы против правительства. Что же имеет народ против своего великого избранника? На что он жалуется? Жаловаться! Это значило бы, что, по примеру старого дворянства, буржуазии и духовенства, народ понимает себя, как сословие; что на политику он смотрит с точки зрения своих особенных сословных интересов и стремится управлять правительством в своих особенных видах[6]. Но ничего подобного никогда не было ни прежде, ни после революции.

Вот это то и составляет характеристическую черту девятнадцатого века. В ней также нет ничего удивительного, как в полигамии и рабстве времен патриархов, как в феодализме и папстве средних веков.

Когда между монархией божественного права и рабочей сельской и городской массой стояли посредствующие классы духовенства, дворянства и буржуазии, или среднего сословия, народ не мог выйти на политическую арену: он не принадлежал себе; каждый простолюдник зависел от какого нибудь патрона, от господина, епископа или аббата. Революция 89 года разорвала эту связь; народ предоставлен самому себе, и из него составилась класс пролетариев, работников на задельной плате, в противоположность классу собственников и капиталистов. в 1848 году социализм, овладев этой нестройной массой, дал ей первую организацию: он создал из неё особое тело, вдохнул в неё мысль, душу, создал ей права, внушил различные идеи: право на труд, уничтожение задельной платы, пересоздание собственности, ассоциацию, искоренение пауперизма и т. д. Одним словом, простой народ, который до 1848 был ничто, который едва отличался от буржуазии, хотя с 89 года и составлял отдельное сословие *de jure et de facto*, вдруг приобрел самостоятельность, благодаря именно тому, что был лишен всего и противопоставлен классу землевладельцев и промышленных эксплуататоров. Теперь, подобно буржуазии 1789 года, он стремится стать всем.

Теперь для нас становится ясно настоящее и даже будущее. В 1848 году народ еще не понимал своего положения; не знал, в чем состоят его выгоды; не сознавал своей идеи, и еще менее мог выработать из неё какую нибудь политическую систему. Первой мыслью толпы, привыкшей к рабству, было избрать себе повелителя. Повелителем этим сделался Наполеон. Так римские плебеи предалися Цезарю, так мятежные невольники предалися Спартаку.

Но восстановление империи не есть еще окончательное решение. По странной прихоти судьбы вышло так, что Людовик Наполеон, представитель народа, был в тоже время избран покровителем интересов буржуазии, блюстителем старого общественного порядка, пересоздание которого очевидно составляет задачу современного плебея. Очевидно, что после двенадцати лет ожидания народ отвернулся от него. Подобно буржуазии, которая хмурится и делает оппозицию своим конституционным государям всякий раз, как интересы её страдают, народ вступил в оппозицию против своего избранника. Мы уже знаем результат этой оппозиции, и теперь важно не обмануться в нем.

В 1863 и 1864 народ, вотируя за одно с известной частью буржуазии и давая свои голоса её кандидатам, вовсе не имел в виду поддерживать систему парламентской монархии и делать законную оппозицию; он ни под каким видом не хочет правления, обыкновенно называемого Орлеанизмом. Его не обманула интрига, имеющая целью, с помощью июльских постановлений и конституции преобразовать империю в пользу Бонапартов, устранив навсегда Орлеанов. Он понял сокровенный смысл этой оппозиции, узнал маски, разгадал стремления кандидатов. Он чувствовал, какое поругание нанесено свободе избирателей. Он был возмущен отступничеством и присягами некоторых лиц, и в людях, которых он посылал в законодательный корпус, он уже видел врагов своей идеи, союзников реакции. Мог ли он не знать, что г. Жирарден, задушевный друг принца Наполеона, человек, открыто проповедующий политический индифферентизм, станет работать в интересах императорского *status quo*? что г. Геру пристал к империи с большинством сен-симонистов? что сердечное согласие господствует между господами Авеном и де Персиньи? Мог ли он забыть, что г. Жюль Фавр, экс-секретарь министерства внутренних дел во время

республики, поддерживал в 1848 президентство Наполеона против республиканских кандидатов, за одно с гг. Жирарденом, Виктором Гюго, Гарнье-Паже и т. д.; или как строг был в Марсели к социалистам г. Эмиль Оливье, исполнявший должность префекта и при временном правительстве, и при президентстве?

Какое же было дело народу до этих людей, до их мнений и до их прошлого? Он страстно хотел лишь одного: заявить свой разрыв с правительством, от которого он так мало ждал – и, чтобы вернее достигнуть своей цели, он забыл все нанесенные ему оскорбления, кроме последнего – отказа принять его кандидатов[7].

Никто не давал себе труда подумать, выгодно ли рабочему классу соединиться с буржуазией в великой избирательной манифестации? не нарушает ли его интересов принятие присяги, служащей залогом, если не безусловной преданности империи, то по крайней мере согласия на программу законной оппозиции? Не решительнее ли был бы голос народа, не решительнее ли был бы удар, если бы урны наполнились безименными билетами и парижские выборы не состоялись бы? Но идеи еще недостаточно ушли вперед; общественное мнение еще не созрело; все воображали, что избрание представителей составляет главную сущность пользования правом подачи голосов, и все были заняты только тем, чтобы выборы пали на людей, которые, независимо от их сокровенных стремлений, как кандидатов, были бы известны, как противники правительства.

Будем говорить правду с резкою откровенностью: кажется, будто рабочий класс, которому здесь впервые предстояло говорить от своего собственного имени, привыкнув более действовать силою, чем работать головой, только о том и заботился, чтобы доказать, что у него большинство и сила и что к этим преимуществам он сумеет присоединить отныне волю и решимость; что для него также легко уничтожить, как и создать большинство, и что, дав Людовику Наполеону в 1848 году пять с половиной миллионов голосов, в 1851 – семь с половиной, в 1852 – семь миллионов восемьсот двадцать четыре тысячи сто восемьдесят девять голосов, он также легко может и отвергнуть официальных кандидатов, если заблагорассудит.

II. Сельские выборы. Здесь прежде всего представляется возражение, на которое необходимо ответить, чтобы дать полное понятие о выборах вообще и справедливо оценить народное движение не только в Париже, но и в департаментах. Мне весьма основательно замечали, что в приведенных мною таблицах выборов 1848, 1851 и 1852 годов городские и сельские голоса взяты безразлично вместе, между тем как по расположению работников Парижа и других больших городов никак нельзя судить о крестьянах, которые до сих пор остаются верны императору и продолжают идти под его знаменем. Так в 1863 году, когда Париж и другие большие города дали оппозиции 1,900,000 голосов, крестьяне дали правительству 5,500,000 голосов, что ставит его вне всякой опасности.

Оппозиция и её журналы объясняют эти неблагоприятные для них результаты невежеством сельского народонаселения сравнительно с городским, его изолированным положением, его робостью; по их уверениям, было бы совсем не то, если бы можно было действовать на него и руководить им, как городскими работниками... На это отвечает г. де Персиньи в речи, произнесенной им в Роанне: он цитирует римскую историю, говоря, что различие

результатов городских и сельских выборов доказывает зрелость мысли, благоразумие, последовательность и консерватизм, которые во все времена составляли отличительные свойства поселян сравнительно с беспокойной массой городского населения.

Из этого видно, как склонны все партии к самовосхвалению насчет своих противников, не обращая внимания на действительные факты и на истинные чувства народа. На чем основывается, спрашиваю, мнение, будто наши поселяне менее способны или более благоразумны, чем наши ремесленники? Не во сто ли раз рациональнее предположить, что как те, так и другие, будучи конечно способны заблудиться в политическом лабиринте, действуют прежде всего по внушению своих задушевных мыслей и своих интересов? Поэтому соображения парижской прессы всегда казались мне в высшей степени наглыми, равно как и историко-фантастические измышления г. де Персиньи. Постараемся же узнать, в чем интерес крестьянина и что говорит ему его задушевная мысль, и тогда мы узнаем, что должно думать о большинстве голосов, данном им правительству.

В последние сорок лет тот же разрыв, на который мы указали выше в городском населении между работником и буржуа, обнаруживается и в сельском населении между сельскими работниками и поземельными собственниками, особенно живущими в городах. Так как этот антагонизм имеет самый глубокий смысл, то мне, быть может, будут благодарны за его объяснение.

В городах старый принцип феодализма удержался и продолжает развиваться, изменив лишь форму. Об этом свидетельствует с одной стороны промышленный и финансовый феодализм, так хорошо умеющий при случае вразумлять средний класс и пролетариат; с другой – стремление большей части буржуазии, недовольствуясь своим званием чиновников, капиталистов, подрядчиков и негоциантов – присоединять ко всему этому еще звание крупных поземельных собственников, верховных обладателей почвы. Наконец, тоже доказывают известные коммунистические тенденции, некоторые плохо определившиеся корпоративные идеи рабочих классов. Между тем крестьяне сосредоточились на одной мысли: все более и более упрочивать за собою свободное пользование землей. Понятие о собственности, одним словом, неодинаково у горожан и у поселян: отсюда и различие в их образе действия. Один прежде всего добивается ренты, ищет чести обладания; другой стремится к независимому труду, желает быть полным господином в сельском быту. Для первого собственность есть лен, для второго она все еще аллод. Разумеется, я употребляю эти выражения для того только, чтобы яснее выразить мою мысль, вовсе не думая никому навязывать идеи, далеко превосходящие обыкновенные рутинные понятия. В самом деле, не найдется ни одного крестьянина, ни одного буржуа, исключая одних юристов, которые понимали бы значение этих терминов нашего древнего языка. А между тем эти слова, лен и аллод, выражают два различных права, два разные порядка вещей, два противоположные стремления, проявляющиеся в наше время в такой же силе, как и в средние века, и которые, по моему мнению, совершенно уничтожить даже невозможно. Теперь, как и прежде, мысль крестьянина сосредоточена на аллодиальном владении. Он инстинктивно ненавидит горожан, корпорации, цехи, мастерства, как ненавидел прежде помещиков-феодалов, и первая его забота состоит в том, чтобы изгнать пришлых рыночников, по выражению нашего древнего права. Он хочет владеть землей нераздельно и, при помощи этого владения, господствовать над городами и предписывать им свои законы. Эта мысль

преобладания земледелия над промышленностью есть та самая мысль, которая положила основание владычеству древнего Рима и решила победу этого земледельческого народа над могущественнейшими коммерческими и промышленными государствами древнего мира. В средние века она поддерживала феодализм, а в XVIII столетии была усвоена физиократами, но доселе еще неисчерпана. Отсюда глухая борьба, которая уже замечается в некоторых областях. Один из моих друзей выразил недавно эту мысль приблизительно в таких выражениях: «мы идем к открытой борьбе между городами и селами; крестьяне сделались богаты; три четверти городского населения находятся в нужде; первые, привлекаемые приманкою торговли и промышленности, мало по малу овладевают городами, между тем как вторые окончательно раздавлены этой новой конкуренцией и высшей буржуазией, главная квартира которой – Париж».

И так одна и та же мысль руководит сельскими и городскими работниками. В городах рабочие классы стремятся вытеснить буржуазию возвышением заработной платы, ассоциациями, коалициями, корпоративными обществами, обществами взаимного вспоможествования; в селах – возвышением цен на работу и жалованья слугам, цены на землю, устранением фермерств, дроблением арендных земель на мелкие участки и упрочением за собой мелкой собственности. И так, война эта ведется всюду, но до сих пор, вследствие отсутствия основной мысли, организации и тактики, не произвела решительных результатов. Люди взаимно теснят друг друга, уничтожают, давят; крестьянин, сосед или фермер, поденщик или слуга, старается всеми силами вредить буржуа собственнику, но ничто не помогает. Все остается по прежнему: класс работников и класс собственников, рента и аренда.

Республика 1848 года дала как крестьянам так и городским работникам избирательное право. Но между тем как городские работники, по примеру буржуазии, составляют оппозицию правительству, вотируя за одно с нею, поселянин, справедливо или нет, продолжает считать императора представителем аллодиальной системы, восторжествовавшей, благодаря революции и продаже национальных имуществ. Напротив того, в короле, протекторе буржуазии или главе дворянства, он видел всегда представителя лена, который его подозрительный взгляд видит теперь в лице капиталиста, фабриканта, директора торговых компаний, негоцианта, литератора или судьи. Наполеон I понимал это, и за то, несмотря на свое вероломство, так долго пользовался популярностью. Об этом можно судить по тому, что мы видели в 1830, 1840 и даже в 1852 г. Почти тоже теперь происходит в Италии, где крестьяне сожалеют об австрийском правительстве, естественном враге и противнике буржуазии, и проклинают конституционное королевство, как памятник победы ненавистных господ, *maladetti signori*.

Устройство железных дорог сильно способствовало обогащению многих департаментов, даже самых отдаленных от центров, особенно тех, где хлеб не составляет главного предмета производства, как в департаментах Эро, Гарда, Юры, Дуба и проч.[8]. Изобилие съестных припасов, явившееся вследствие огромного развития промышленности, обогатило крестьянина. Для него открылись иностранные рынки; многие предметы производства, как то: вино, плоды, овощи, которые в прежнее время потреблялись на месте за ничтожную цену, перевозятся теперь через огромные пространства и продаются с большим барышом. Поселянин не рассуждает о причинах: *Cum hoc, ergo propter hoc*; – все эти блага достались

ему в период империи, и он благодарит за них императора. Ему необходима земля, как работнику капитал и орудия труда, и он добьется её, купив её.

И так, дело крестьян и ремесленников дело общее. Сельская Marianne вполне соответствует городской Sociale. У них одни и те же враги. До 1863 оба великие класса, представляющие труд, крестьяне и ремесленники, без всяких предварительных соглашений вотировали за императора; крестьяне и в 1863 и 1864 годах остались верны императорскому знамени, между тем как ремесленники без достаточной причины перешли на сторону буржуазии. Я не говорю, что они поступили бы лучше, последовав примеру своих сельских братьев; но мне кажется, что было бы достойнее их подать им пример, объявив, что на будущее время они хотят действовать самостоятельно. Промышленная демократия Парижа и других больших городов, ушедшая вперед, должна позаботиться о примирении между своей партией и сельской демократией; ей следует позаботиться о том, чтобы не казаться аллодиалам поборницею лена. Конечно, Наполеон III, как и Наполеон I, представляется еще массе врагом старого порядка, покровителем поселянина против буржуазного феодализма. Под влиянием этого убеждения крестьяне вотировали за кандидатов правительства. Но наполеоновская идея стареется, как и все на свете; старый порядок далек от нас с тех пор, как на нем налег густой слой новых идей, законов, интересов; в обществе почувствовались новые потребности, и уже можно предвидеть день, когда и в провинции произойдет крутой поворот, какой случился в прошлом году в департаменте верхней Сены. На очереди стоят громадные задачи, разрешить которые власть неспособна. Дело идет о том, чтобы сочетать земледелие с промышленностью и этим примирить сельское и городское население; перестроить собственность по принципу взаимности и федеративного права; дать земледельческому классу новые учреждения; решить в пользу крестьян и ремесленников вопросы о кредите, о страховании, о наемной плате, о пекарнях, бойнях, огородничестве, о напитках и т. д.

Крестьянин питает непреодолимое отвращение к фермерству и арендаторству, как работник к задельной плате; гораздо легче помочь ему сделаться собственником и потом взять с него большой налог, как законную долю общества с поземельной ренты, чем согласить его вечно делиться с отсутствующим собственником произведениями земли и стад, добытыми тяжелым трудом.

И так, не смотря на кажущееся и в настоящих выборах действительно существующее разномыслие между сельскими и городскими работниками, в основании стремления их одни и те же. Цель их – полное освобождение работника, уничтожение поденной платы, изгнание рыночного барышника. С обеих сторон подавали голоса (т. е. те, кто подавал голоса, потому что с обеих сторон многие вовсе не вотировали) с одинаковым стремлением к реформам, с одинаковым сознанием силы и с одинаковым слепым увлечением.

И вот каков результат этих выборов, одинаково непонятных, как тем, кому они благоприятны, так и тем, кто перед ними дрожит, как оппозиции, так и министерству. Между тем как непонятые крестьянские выборы поселяют уверенность в правительстве и приводят в отчаяние наших мнимых либералов, городские, более ясные, сбили всех с толку. Они не только поразили правительство ужасом, поставили в тупик и смутили представителей либерального бонапартизма, покрыли позором официальных сводников,

думавших сочетать цезаризм с плебейством, подвергли мистификации самих мистификаторов, – они все разрушили, обратили коалиционный список в список разрыва, доказали нелепость парламентаризма. Устраивайте после этого конституционную монархию при этих ураганах всеобщей подачи голосов!..

Выборы обратили в ничто легальную оппозицию, подняли на смех честолюбцев и заклеили присягавших. О, если народ хотел этим предостеречь своих патронов, то он вполне достиг своей цели! Он поступил как бык, который, чувствуя голод и желая разбудить спящего пастуха, протыкает ему ребра рогами.

По поводу этого я имею честь заметить державному народу:

Да, Властелин, ты большинство и сила, и из того, что ты большинство и сила, следует, что ты обладаешь правом, которым по справедливости ты должен пользоваться; но ты еще должен иметь идею, из которой вытекает для тебя другое право, более высокое. Почему же на этих выборах, где ты так прямо заявил себя, ты не сделал ничего для этого другого твоего права? Зачем, вместо того, чтобы проводить твою идею с свойственной тебе энергией, ты поступил как раз против неё? Зачем ты, сильнейший из сильных, был груб и резок там, где следовало быть благоразумным? Знаешь ли, что своим поведением на выборах вместо того, чтобы подвинуть дело вперед, ты произвел только всеобщую путаницу? Выслушай же, что я тебе скажу: пока ты будешь только цифра и сила без идеи, ты будешь нуль; держава не будет принадлежать тебе; твои кандидаты будут отвергнуты, и ты останешься вьючным скотом.

ГЛАВА III. Предв. суд истории над 1864 г-м. Революционное состояние. Невозможное положение

Предварительный суд истории над 1864 годом. Революционное состояние. Правительство и оппозиция одинаково не сознают этого состояния. Оппозиция осуждена на бессилие. Оппозиция подстрекает императорское правительство на деспотизм. Невозможное положение.

Последние выборы во Франции были повторением прежних: – интригой завязались одни, интригой кончились и другие. Чего хотелось интриганам, то и делали избиратели, и как в первый раз – без спора и разбора. Как и прежде, толпа с увлечением бросилась на баллотировку; как и прежде, рабочие представители были принесены в жертву кандидатам буржуазии; как и прежде, наконец, решенные выборы были выражением одной лишь народной раздражительности; сами по себе эти выборы не выражают ничего. Какой в них смысл?

Итак, выйдем из этой арены всеобщей подачи голосов.

Но если однако на выборах 1863–64 гг. рабочий народ впервые заявил свою волю; если по этому случаю он пробормотал свою мысль; если нам известен притом интерес, которым одушевлено сельское население; если оно с почину одержало большую победу и в то же самое время сделало большую ошибку, то начнем с того, чтобы доказать этому чернорабочему народу последствия его пробного почина.

I. Неужели народы осуждены, в самом деле, на долгое бессознательное существование? Или уроками истории может пользоваться одно лишь потомство? Кто из нас осмелится сказать теперь, что верит всеобщей подаче голосов? – Не скажут этого республиканцы, её основатели, которых она принесла в жертву восстановлению старого порядка. Не они ли сами, наконец, устами Жюля Симона, сознаются уже, согласно с правительством, что всеобщая подача голосов не может быть предоставлена самой себе и нуждается в руководстве? Не веруют в эту подачу и защитники империи, которые в свою очередь так жестоко разочаровались результатами народных выборов. Не веруют в нее, конечно, и поборники конституционной, мещанской монархии, несовместной с демократическими

учреждениями. Притом народ ясно уже доказал на выборах, что ему вовсе не хочется возвращаться к орлеанской династии и её порядкам.

Итак, кроме невежественной городской и сельской толпы, никто не доверяет всеобщей подаче голосов. Несмотря на это, я полагаю, однако, что никто не осмелится предложить уничтожение этого учреждения. Всеобщая подача голосов стала для нас роковой необходимостью, а между тем мы ей не доверяем, не сознаем её значения! Вот почему мы и не смыслим ничего в нашей современной истории; вот почему и настоящее, в котором мы живем и действуем, также загадочно для нас, как и будущее.

Хватит ли у правительства настолько смелости, чтобы высказать правду о выборах 1863–64 гг.? – Нет, у него не достанет духу даже взглянуть на них прямо. Притом, ему совершенно непонятны стремления сельского населения. Забота о самосохранении велит правительству предаваться иллюзиям, и оно не в состоянии отказаться от самообольщения. – Итак, правительство не понимает смысла своей истории, не отдает себе отчета в том, что с ним делается и что оно само делает.

А оппозиция, которая восторжествовала на выборах, эта оппозиция, это пугало министров с портфелями и без портфелей, будет ли она настолько добросовестна, что решится сказать истину на счет парижских выборов? О нет, интерес оппозиции, её самолюбие и предрассудки не допустят такой откровенности. – И так, оппозиция тоже не понимает ни своего происхождения, ни значения, ни цели; она не смыслит ничего ни в своем призвании, ни в своей истории.

Да и сама нация, наконец, ничего не знает и не понимает, потому что весь народ, буржуазия и чернь, городское и сельское население, повинувшись минутной страсти, бессознательно колеблются между оппозицией и правительством.

И вот эту-то истину, горькую для власти, скрытую оппозицией и неизвестную публике, приходится теперь громко высказать, что я и сделаю в немногих словах.

«Выборы настоящего и прошлого годов доказывают, что 1) императорское правительство по своему значению не ладит ни с характером, ни с интересами, стремлениями и нравами буржуазии; 2) народ, на который оно могло опереться, видимо отстает от него, – пока в городах, а потом и по деревням, где население продолжает подавать еще голос в пользу правительства, но уже в духе чисто революционном.

Отсюда следует, что пока рабочие классы не заявят ясно своей мысли и не обратят всех в свою веру, до тех пор не устоит во Франции ни одно политическое учреждение. Вот почему нация находится теперь в хаотическом брожении, а государство в шатком состоянии.

Только то и спасает пока страну, что одни не сознают грозящей опасности, другие отрицают ее, а остальные смеются над ней.

О, как становится больно на сердце, когда подумаешь, что три четверти населения Франции – все городское и сельское население и часть мелкой буржуазии – фатально увлечены уже в движение к социальной и экономической реформе, а как оглянешься кругом, что за идеи,

что за политика, что за люди!! А они хотят еще руководить толпой, просвещать ее, умерять ее порывы!

Вся опасность настоящего положения происходит от того страшного разлада, который царствует в среде нации. Ничто не соединяет её в одно целое: ни императорское правление, ни парламентская система, ни идея рабочих классов, которую так мало еще понимают.

Разве правительство, например, может иметь притязание на выражение народной воли – то самое правительство, от которого отрекается теперь буржуазия и городское рабочее население? Подобное притязание невозможно уже, тем более, что и сельская демократия в сущности одушевлена такими же стремлениями, как и городская. Если в деревнях и продолжают еще подавать голоса за существующий порядок, между тем как горожане становятся в хвосте буржуазии, то это происходит только по недоразумению; ни сельские, ни городские работники не сознают еще, что для достижения своих общих целей они должны прямо заявить свою самостоятельность, чуждаясь всякого постороннего интереса и влияния. Решится ли правительство объявить лозунг поселянина: «вон рыночных барышников»? Нет, оно не решится, как и буржуазия никогда не заикнется о праве на труд...

Но способна ли, в свою очередь, представлять народ, выражать смысл демократии или, по крайней мере, волю своих избирателей та законная оппозиция, которая состоит теперь из пятнадцати или шестнадцати депутатов с демократическими замашками и двадцати или двадцати двух защитников старых династий? – Посмотрим.

Прежде всего не следует забывать, что оппозиция присягала на повиновение конституции и на верность императору, чего не делали избиратели. Кроме того, мы видим, что в состав оппозиции входят элементы разнородные, враждебные и противные; пожалуй, депутаты способны еще выразить более или менее верно смысл прошедшего и его различных эпох, но ни в каком уже случае не могут они быть представителями будущего, которое им даже и не грезится во сне. Оппозиция, подобно правительству, глядит не вперед, а назад; дальше своего носа она не видит ничего; нет у неё общей и руководящей мысли, и она положительно неспособна заявить её; за это можно вполне ручаться. Оппозиция – чему? по поводу чего? Кто ответит на эти вопросы? Вы рассуждаете о государственных расходах! Да это счетное дело, дело администрации, практики; вопрос, коренной вопрос не в таких делах, а в принципах. Оппозиция шестнадцати не выражает ни одной положительной и основной мысли: ни утверждения, ни отрицания, ни возражения, ни вызова. Все прения в законодательной палате сводятся на одну лишь пустую критику подробностей с различных точек зрения, по прихоти каждого депутата; в сущности, эти прения – ничто.

Гражданин, избранный всеобщей подачей голосов, на политическом языке называется поверенным, а избиратели – доверителями. Но где тут доверенность? Её нет, и депутаты не могут представить даже бланковой надписи. Каким образом могут они знать, наконец, чего хотят и ожидают от них сами доверители, когда последние в раздоре и взаимной вражде лишены самосознания?..

Итак, полномочие депутатов – чистая выдумка. Мало того, по особенной склонности они постоянно стремятся расширить свою власть и считают всякое специальное и ответственное полномочие ограничением своего депутатского права. Вот почему эти мнимо-поверенные, болтая о всем вкрив и вкось, ничего не значат и ничего не знают. На них надо смотреть, как на подделанных кукол; они стремятся быть всем и, не желая играть роль простых помощников императора, доброхотных советников, обращаются буквально в ничто; если их не сочтут заговорщиками, то им нельзя и названия придумать. Когда бы двести-восемьдесят-три члена законодательного корпуса походили на депутатов оппозиции; другими словами: когда бы весь законодательный корпус составил оппозицию, тогда правительству пришлось бы только заново созвать избирателей с тем, чтобы узнать от них путем определенной и подробной подачи голосов, чего они от него ожидают и какое дали поручение своим депутатам. Тут бы нам представилось иное зрелище: избиратели принуждены были бы сознаться, что ни в чем не могут согласиться между собою, и что нация знает менее всего, о чем она думает.

Нечего сказать, хороша эта пресловутая оппозиция, и много же в ней смысла!

Но вот что печальнее всего: из числа членов оппозиции одни уже открыто стали сторонниками империи и порываются поминутно подслужиться ей, будто бы в либеральном духе; другие прикидываются равнодушными, ожидая благоприятного случая вступить в сделку с властью, лишь только она сделает первый шаг к сближению; самые неукротимые – и те готовы отказаться от сопротивления императору, если он приобретет прежнюю популярность, которая способна упрочить его династию и укрепить его правительство. Не они ли, эти неукротимые, следуя примеру Эмиля Оливье, громогласно объявили: «Мы не пессимисты!»

В конце концов, оппозиция настоящему порядку выражается не людьми, а самым положением и ходом дел. Пусть только это положение, которое одно и может беспокоить власть, станет более затруднительным и натянутым, пусть только на горизонте покажутся громовые тучи, поколеблется администрация, – и оппозиция, которая по влечению льнет теперь к правительству, тотчас же отступит от него, тотчас же примет враждебное, мстительное положение, осудит всю систему правления и, в случае надобности, сделается её палачом. Да, достойна доверия эта коварная оппозиция без принципа и чести, занятая только тем, чтобы исказить, скрывать истинную мысль своих избирателей демократов! И как много у ней прав на звание представительницы народной воли!

II. По своему смыслу оппозиция ни под каким предлогом не может представлять народ; этого мало: она не в состоянии быть ему полезной и неспособна служить ни прогрессу, ни свободе. Между тем, как массы пламенно желают реформ, оппозиция взамен всякого облегчения может наградить их только восстановлением старого порядка, то есть, доктринерской реставрацией.

Не забудем, что демократия и буржуазия, принимая участие на выборах и назначая своих представителей, тем самым уже поставили себя на почву императорской законности. Таким образом, если, вследствие последних выборов, и образовалась оппозиция, то она вовсе не означает еще разрыва с властью, а только простое несходство взглядов, какое-то

неопределенное неудовольствие, которое несколько не изменяет законных отношений и не допускает ни малейшего нарушения конституции.

Итак, пока особенные, чрезвычайные события не произведут решительного переворота в делах, мы принуждены рассуждать в смысле установленной законности, тем более, что вооруженная власть, опираясь на данное ей право, способна заставить повиноваться каждого, кому пришла бы фантазия сопротивляться.

Теперь возникает вопрос: в какое же положение ставит оппозицию, демократию, народ и наконец правительство эта самая законность в связи с выборами 1863–64 гг.

Выборы 1857 года дали демократии только пять представителей; теперь, если не ошибаемся, число их возросло до пятнадцати. Присоединяя к этой ничтожной, хотя и шумной, кучке и депутатов-консерваторов, избранных без содействия демократии и покровительства власти, оказывается, что в общем итоге 283 членов законодательного корпуса меньшинство или оппозиция состоит много-много из 35 демократов. Такова в данную минуту законная, конституционная сила оппозиции! Чего ждать путного от подобной оппозиции? Способна ли она на борьбу с правительственной системой и может ли быть серьезнее и сильнее оппозиции пяти в течение 1857–63 годов? – Нисколько. Напротив того, говорю я, – судя по игре конституции 1852 г., в продолжение 17 лет правительство императора должно непременно упрочиться, если только какой нибудь неожиданный переворот не сломит его.

Предположим теперь, что в 1869 году число депутатов оппозиции возрастет в той же пропорции, в какой оно возросло к 1863 г., т. е. увеличится всемерно. При этом предположении, конечно, очень выгодном для оппозиции, она все-таки составит меньшинство; консерваторы по прежнему будут многочисленнее и сильнее. Но допустим даже, что правительство потеряет поддержку большинства законодательной палаты и должно будет изменить свою политику и конституцию в духе новой оппозиции. И опять-таки эта перемена совершится путем законных, конституционных обрядностей; что же касается самой конституции, то она изменится только в том смысле, в каком этого требовал неизменный Тьер, т. е. нас обратит вспять к старой парламентской системе.

Демократическая оппозиция по своему численному ничтожеству и политическому бессмыслию не даст нам ничего нового. Много, много, если создадут для неё одно или два лишних министерства, и все кончится решительным союзом демократии с императорским правительством.

Итак, Наполеон III, как и дядя его в 1815 году, может отделаться одной лишь переменной конституции. Таким образом, все политическое развитие Франции с 1830 до 1870 года сведется на простую смену династий. Где же тут отмена старого порядка, где прогресс? Наполеон III сам предвидел эту развязку: он знал, что только одна демократическая и социальная революция дала ему ту чрезвычайную власть, которой он пользовался с 1851 года; он знал, что, подавив революцию, ему придется со временем восстановить конституционное правление в более или менее скромном виде. Об этом он сам позаботился заранее объявить Франции, когда сказал ей, что увенчает свое здание.

Так ли все кончится? Вероятно ли, что после всех страданий, раздоров, споров, оппозиций, выборов и клятвенных обещаний народ и демократия отшатнутся на сорок лет назад, а империя с наполеоновской династией взамен опасного произвола заведет парламентский порядок? Вот вопрос.

Нет, ничто не доказывает, что в 1869 году оппозиция будет иметь на своей стороне большинство голосов. к этому времени правительство успеет еще поразмыслить, собраться с силами и обезпечить успех своего дела; выгоды его положения громадны.

За императора прежде всего созданная им конституция, на которую присягала оппозиция; затем – установленная законность, которую он может толковать по своему; далее за него сенат, род верхней палаты, которая единодушно отстаивает новую реставрацию; в законодательном корпусе или палате депутатов на стороне императора подавляющее большинство; – кроме ораторов этого большинства, болтунам оппозиции возражают опытные и искусные сановники: в недавних спорах с адвокатами демократии они доказали свою силу и чаще были победителями, чем побежденными. Но это еще не все: в департаментах каждая сельская община обратилась теперь в контору префектуры; деревенская чернь возбуждена против оппозиции «господ» (messieurs); отборная национальная гвардия поддержана многочисленной и верной армией; что же касается, наконец, до массы избирателей, то она стоит за императора; на будущих выборах за него будет не менее 5.500,000 голосов против 1,900,000.

Разве с такими страшными силами трудно уничтожить в пять лет всякую оппозицию?

III. Эту почти несокрушимую силу, какую дает правительству императора присяжная законность, эту силу оппозиция старается еще обратить в орудие разных стеснений. Она поминутно подстрекает власть к деспотизму, то газетными статьями, то речами, то подачей голосов. Не будь парламентского большинства, не будь министерских депутатов, избранных чернью, я, право, не знаю, что с нами бы случилось.

Касательно внешней политики, например, император имеет право в силу конституции предпринять все, чего пожелает сам, наперекор министрам и государственному совету. Он может по своей воле объявить войну, кому вздумается, и завязать потасовку с целой Европой. – Оставим в стороне все более или менее верные соображения, почему император не решится на подобное дело, и обратим внимание только на ту огромную власть, которой пользуется правитель с точки зрения политического и гражданского права, законности и, наконец, народного самодержавия. Судя по отзывам официальных газет империи, надо полагать, что по настоящее время Наполеон III не пускался на вздорные предприятия, по поводу гольштейнских, венгерских, итальянских и прочих сомнительных дел, более всего из уважения к советам преданных и близких придворных, большинства членов законодательного корпуса и сената. Он чувствовал, что при всей неограниченности прав, какими наградила его конституция, здравый смысл велит, однако, пользоваться ими с крайней умеренностью и осторожностью. Он сознавал, что первый долг государя – согласовать свою волю с общественным мнением, а не с текстом конституции.

Но что же делали газеты и депутаты оппозиции? Чем продолжают они заниматься по настоящее время? Они постоянно твердят ему о его верховной власти и подстрекают на самовольное решение, на безотчетный произвол. Эти мнимые демократы, которые подчас выставляют себя врагами самовластия, всегда готовы рукоплескать ему. Они проповедуют без умолку, что правое дело покрывает неправду формы и прихоть решения, и потому императору не следует колебаться: самый щекотливый либерализм не найдет тут ничего предосудительного. Таким образом, оказывается, что они порицают в политике правительства уже не проявление его личного характера, как это делалось до 1848 года, а просто порицают его за неловкость, за то, что его величество не делает того, чего им хочется.

Вот как оправдывает существующий порядок оппозиция, выдвинутая на сцену выборами 1863–64 года! Вот как уничтожает она заветные предания 89 года в вопросах мира и войны! Друг Людовика XVI, Мирабо, когда народ обвинял его в измене, – и тот никогда не требовал для своего короля даже сотой доли того самовластия, которым хотят наградить Наполеона III так называемые демократы.

Предположите теперь, что император, поддаваясь их безумным желанием, объявит войну Пруссии, Австрии, Германскому союзу, предположите, что из угождения Кошуту или Гарибальди он подымет против себя почти всю Европу и самовольно потребует от Франции сразу 400,000 людей и три миллиарда. Напрасно тогда сенат, большинство депутатов и масса народа – горожане и поселяне – станут ужасаться: император будет прав; никто не осмелится упрекнуть его в деспотизме; мало того, по мнению оппозиции, мы должны будем прославлять его...

Война объявлена. Одно из двух: император победит или будет побежден. В случае победы он запряжет оппозицию в свою триумфальную колесницу, а желаемой свободе опять отсрочка. Если же императора победят, то его назовут несчастным героем, достойным всей нашей любви и преданности, а депутаты–патриоты непременно потребуют от нас последнего гроша и последнего рекрута.

Предположите, наоборот, что император, повинувшись более разумным внушениям, не обратит внимания на эти пошлые подстрекательства и станет решительно следовать мирной политике. В этом случае он приобретает если не расположение, то, по крайней мере, молчание всех тех демократов или недемократов, которые не преклоняются перед гениями оппозиции; и она сама, рано или поздно, отрекаясь от своего воинственного азарта, должна будет сознаться, что император был умнее её. – Какая, подумаешь, слава нашим конституционным нравам! Какая честь демократии! И как нам, красным республиканцам и социалистам, простительно после этого вопиять против деспотизма власти!!

Итак, согласие на шестилетнюю отсрочку всех демократических требований; обязательство во имя и перед лицом всего народа – уважать и поддерживать существующий порядок, сначала в течение шести первых лет, а затем до тех пор, пока законодательное большинство не решит иначе; далее, возврат к старой парламентской монархии, то есть, самое опасное отступление народа к прошлому; – тем временем, самовластное правление, которое будет продолжать располагать по своему силами и судьбой Франции,

подстрекаемое оппозицией на военный деспотизм и на войну с Европой, – вот окончательный и неперемный результат выборов 1862–64 год., результат, доказанный фактами, цифрами, фамилиями, газетными статьями и признаниями выборных оппозиции.

Да, без сомнения, парижане – народ самый бойкий и остроумный; но при этих редких качествах у него, по счастью, развита удивительная способность самоотречения и противоречия; не будь у парижан этой способности, пришлось бы в них отчаяться. Недолговечны дети с бойким умом.

IV. «Пусть будет по вашему», скажут мне. «Революция 24 Февраля, государственный переворот 2 декабря и все следовавшие затем события были для народа, бесспорно, страшным несчастьем – несчастьем, похожим на продолжительное сумашествие. Но разве из этого следует, что мы должны упорствовать в нашей безумии? Разве мы должны постоянно гнуть шею под игом железного деспотизма, отказываться от всякой политической жизни и держать бесконечно в осажденном положении наши города и деревни? Не лучше ли нам, напротив того, поскорее возвратиться к тем свободным и правильным учреждениям, которыми прославлена наша история? Зачем нам отвергать, как бесплодные, усилия тех людей, которые стараются вернуть нас к прошлому порядку? – И так, да воскреснет народ и да смирится демократия! Вот мысль, которая должна одушевлять всех и каждого в настоящую минуту».

И эту иллюзию, эту последнюю мечту приходится мне рассеять. Нет, говорю я, возврат к системе 1830 года и ко всякой ей подобной – к конституционной монархии или мещанской республике, – так же невозможен, как и возврат к феодальной системе 1788 года. Не забывайте же, что при всеобщей подаче голосов нам приходится иметь дело не с одной только крупной и мелкой буржуазией, с её заветными политическими целями и неизменными экономическими правилами. Не забывайте, что перед нами стоит толпа, та февральская толпа, которая чувствует свое отчуждение от буржуазии и громко заявляет перед ней и против неё свою волю, свои интересы и желания. Эта толпа исповедует иную экономическую веру и уже явно стремится к тому, чтобы поглотить и уничтожить старое среднее сословие. Хотя эта толпа не умеет еще создать для себя особую конституцию, согласную с своими экономическими и социальными верованиями, но она все-таки, рано или поздно, создаст ее. Мало того: в политических вопросах рабочая масса расходится с конституционной буржуазией несравненно более, чем в вопросах о труде, ассоциациях и земельной плате. Будьте уверены, что если эта масса провозгласила сначала вторую империю, а затем неожиданно обратила часть своих сил на сторону оппозиции, то она сделала это вовсе не из доверия к ней, а просто с досады на императорское правительство, которое обмануло её надежды. Придет время, когда деревенские и городские работники узнают и поймут друг друга – и тогда услышите неожиданные новости.

Подумайте еще раз о том, что рабочий народ во Франции добивается капитала и собственности; и этого народа нельзя уже согнать с политической сцены, и этот народ искренно ненавидит все мещанские учреждения, какими бы конституциями они ни заявлялись, в какие бы династии ни воплощались. Ни конституция 1830, ни 1848, ни 1852 годов, ни династия орлеанская или наполеоновская – ничто не по душе народу.

И так, повторяю: вам нельзя ни стоять на месте, ни отступать; единственное спасение – идти вперед, рука об руку и по указанию той самой толпы, силу которой вы уже знаете, но не знаете еще её мысли. Вот почему я утверждаю, что выборы 1863–64 годов – настоящий удар обухом по голове, и положение дел, созданное этими выборами, – такая темная яма, в которой не видно ни зги, и где не узнают себя ни демократия, ни оппозиция, ни правительство. Появление народа на выборах ошеломило всех и все перепутало. Правительство ожидало иметь дело с одной лишь либеральной и парламентской оппозицией. В свою очередь, эта оппозиция воображала только воевать против политики правительства. И что же вышло? Оказалось, что и оппозиция, и правительство, нежданно, негаданно, увидели вдруг перед собой тот самый роковой социальный вопрос, который считали давно погребенным.

Вот почему теперь оппозиция не может воспользоваться своей победой; вот почему и правительство не в состоянии упрочить своего значения даже путем реформ и уступок.

Партия действия и государственные люди демократии создали ту отчаянную чепуху, о которой, кажется, мало думают, а менее всего беспокоятся. Что будет, то будет!

Да, ничто так не отважно, как невежество...

Читатели! будьте уверены пока в одном: нам не избежать затруднений и грозящих бед ни неведением, ни отрицанием, ни смехом; рано или поздно, волей-неволей, нам придется поразмыслить кой о чем.